

**ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ НЕРЕГУЛЯРНЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ ВАРИАНТОВ
ПЕРЦЕПТИВНО-АРГУМЕНТАЦИОННЫМ МЕТОДОМ: СИНТАКСИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ
«ВИДНО ДЕРЕВНЮ – ВИДНА ДЕРЕВНЯ», «СЛЫШНО ПЕСНЮ – СЛЫШНА ПЕСНЯ»**

В статье представлено применение перцептивно-аргументационного метода дифференциации грамматических вариантов: проверяется достоверность традиционных дифференцирующих аргументов и применяется аргумент прямой эмпирической верификации маркеров определенной семантической характеристики в эксплицитных контекстах.

Ключевые слова: грамматическая вариантность, семантика, эксплицитность и имплицитность, восприятие, аргументация.

Попов С. Л. Дифференція нерегулярних граматичних варіантів перцептивно-аргументаційним методом: синтаксичні варіанти «видно деревню – видна деревня», «слышно песню – слышна песня». – Стаття.

У статті презентується застосування перцептивно-аргументаційного методу диференціації граматичних варіантів: перевіряється достовірність традиційних диференційних аргументів, і застосовується аргумент прямої емпіричної верифікації маркерів певної семантичної характеристики в експліцитних контекстах.

Ключові слова: граматична варіантність, семантика, експліцитність та імпліцитність, сприйняття, аргументація.

Popov S. L. Differentiation of irregular grammatical variants by means of perceptually-argumentative method: syntactic variants «видно деревню – видна деревня», «слышно песню – слышна песня». – Article.

The article presents the application of perceptually-argumentative method of differentiation of grammatical variants: reliability of the traditional distinguishing arguments is being tested, and the argument of direct empirical verification of certain semantic characteristic markers in explicit contexts is being applied.

Key words: grammatical variability, semantics, explicitness and implicitness, perception, reasoning.

Постановка проблемы. Дифференциация грамматических вариантов – проблема всегда актуальная. Уже более полувека такой дифференциацией занимается специальная лингвистическая дисциплина – ортология. Однако до последнего времени ортологи не предлагали специфического и в то же время универсального для данной сферы грамматики метода дифференциации грамматических вариантов, что нередко приводило к достаточно широко обсуждаемой субъективности кодификаторских оценок [3, с. 55; 5, с. 576]. Относительно недавно мы предложили такой метод, назвав его перцептивно-аргументационным по причине учета при его разработке сведений о восприятии и аргументации, и применили его при дифференциации русских регулярных грамматических вариантов, условившись считать регулярными варианты, представленные не менее чем тремя бинарными оппозициями [4, с. 162, 176-188].

Целью статьи является демонстрация возможности и необходимости применения перцептивно-аргументационного метода дифференциации к заявленным в названии статьи нерегулярным грамматическим вариантам, результатом чего является отнесение представляемого ими типа к уже известной парадигме регулярных грамматических вариантов. Поставленная цель обуславливает постановку таких задач, как понятийное отграничение исследуемых вариантов от парадигматически близких им путем описания синтагматических особенностей изучаемых вариантов, представление основных принципов перцептивно-аргументационного метода дифференциации грамматических вариантов и практическое применение

данного метода к дифференциации исследуемых вариантов.

Изложение основного материала. Варианты *видно – видна* и *слышно – слышна* в ортологической литературе рассматриваются в одной понятийной группе с *заметно – заметна* и *нужно – нужна* [1, с. 57]. Однако варианты типа *заметно растерянность*, в отличие от *заметна растерянность*, и тем более *(мне) нужно книгу*, в отличие от *(мне) нужна книга*, не настолько распространены и, более того, нормативны, чтобы ставить их в один ряд с частотными и нормативными вариантами типа *видно деревню* и *слышно песню*, отражающими хорошо известную приоритетность зрительного восприятия и уступающую ей приоритетность восприятия слухового. Варианты *заметно – заметна* тоже отражают зрительное восприятие, но в одном, не самом распространенном его аспекте, ведь, как эмпирически достоверно известно, замечают намного реже, чем видят. Это подтверждается следующими наблюдениями. Варианты *видно*, *заметно* и *слышно* могут быть пропозициональными предикатами (здесь и далее – примеры из «Национального корпуса русского языка», сохраненные в том оформлении, в котором они даны на этом электронном ресурсе):

Видно было, что он задыхается от волнения [Запись LiveJournal (2004)];

Сверху из окна артистической было видно, как он бежит от памятника Чайковскому и катит виолончель [Сати Спивакова. Не всё (2002)];

И хотя питерский Дюша не пьёт, сразу стало видно, кто тут главный [Дуня Смирнова. Октябрьская железная дорога (1997) // «Столица», 13.05.1997];

Многие играли соло, но немногие способны были играть так, чтобы было **видно**: этот музыкант может быть солистом [Сати Спивакова. Не всё (2002)];

Сразу **видно** – человек мыслит кадрово, а не сюжетно, чем и отличалось то кино от современного [Алексей Балабанов: «Я снимаю не для вечности» (2002) // «Культура», 01.04.2002];

– Вылетайте, – заговорил Азazelло в трубке, и по тону его было **слышно**, что ему приятен искренний, радостный порыв Маргариты, – когда будете пролетать над воротами, крикните: «Невидима!» [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929–1940)];

И не только объяснить, но и чтобы стало **слышно**, как я пою, как Элвис [Евгений Гришковец. ОдноверЕмЕнно (2004)];

За столом у Реформатских, Ляпуновых, у всех друзей только и **слышно** было, куда ехать, в какой научный центр, где будем строить науку, по каким новым правилам будем там жить, какие принципы положим [Даниил Гранин. Зубр (1987)];

Было **заметно**, что здесь, на суше, капитан-шеф-повар в своей, так сказать, тарелке, как на ресторанной кухне [Александр Дорофеев. Эле-Фантик // «Мурзилка», 2003];

Мать вышла из ванной, и сразу стало **заметно**, как она вымотана, похудела и угрюма [Дина Рубина. На солнечной стороне улицы (1980–2006)].

Но, в отличие от варианта **заметно**, варианты **видно** и (менее частотно) **слышно** могут характеризоваться предикативной безобъектной самодостаточностью:

Вообще-то людям снизу плохо **видно**. И оценить олигархов они не в состоянии [Елена Костюк. Сверхбедные против сверхбогатых (2003) // «Время МН», 30.07.2003];

Поздний вечер, созревают и уплотняются сумерки, но ещё не темно и **видно** хорошо, разборчиво [В. Г. Распутин. Новая профессия (1998)];

– Алё! Это телевидение? – закричал кто-то. – Плохо **слышно**! Мы, врачи «скорой помощи», решили присудить приз кукольному дому! [Людмила Петрушевская. Маленькая волшебница // «Октябрь», 1996].

В свою очередь более «активный» вариант **видно**, в отличие от менее «активного» варианта **слышно**, может выступать:

– в качестве вводного слова:

С юмором, **видно**, у нас стало совсем бедновато, а вот «развлекалок» – хоть отбавляй [Осень начинается весной (2002) // «Культура», 08.04.2002];

Тотчас в подворье напротив залаяла, **видно**, малая визгливая собачонка; от её лая ещё тревожнее стало на душе у Гусакова [Василь Быков. Болото (2001)];

– в составе сравнительной конструкции:

Как видно из репортажей со съёмок (записаны на дисках), актёры работают с полной отдачей [Валерий Кичин. Поэзия компьютера (2002) // «Известия», 2002.04.26];

Как видно из данных этой таблицы, продукция, полученная от ЛПХ, служит большим подспорьем в питании семьи [Личные подсобные хозяйства населения: состояние и перспективы // «Вопросы статистики», 2004];

– и в составе частотного фразеологизма (в том числе со свойственной ему инверсией **видно** и глагола-связки):

Несколько дней перекапываться, а **там видно будет** [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001];

– Что мы будем сейчас гадать? **Там будет видно**... Ну, что ты задумался? [Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975–1977)].

Что касается варианта (мне) нужно книгу, то он не только не имеет семантики чувственного восприятия, что делает его «чужим» в ряду с показателями зрительного и слухового восприятия, но и выглядит просторечным окказионализмом.

Применяемый в показанном ниже исследовании перцептивно-аргументационный метод дифференциации грамматических вариантов предусматривает следующие действия. Приводится аргумент, традиционно дифференцирующий рассматриваемые грамматические варианты, и определяется его тип. Проверяется достоверность традиционного аргумента. Если выясняется, что традиционный аргумент, дифференцирующий пару грамматических вариантов, представляет собой сочетание прямой эмпирической верификации (ПЭВ), основанной на альтернативно-императивном, обоснованно приемлющем один вариант и отвергающем другой, или альтернативно-диспозитивном, обоснованно приемлющем оба варианта при определенных условиях, восприятию (АИВ или АДВ) (об этих и эволюционно предшествующих им синкретичном и поверхностном видах восприятия см. [4, с. 109–140]), и абсолютное логическое обоснование (АЛО), то есть аргумент ПЭВ(АИВ)иАЛО или ПЭВ(АДВ)иАЛО, он признается «непротиворечивым» и примерами употребления не подтверждается (о прямой эмпирической верификации и логическом обосновании как двух наиболее убедительных типов аргументов см. [2, с. 25–28, 51–73]). Если выясняется, что традиционный аргумент, дифференцирующий пару грамматических вариантов, не представляет собой ПЭВ(АИВ)иАЛО или ПЭВ(АДВ)иАЛО, то есть оказывается ПЭВ(СВ)иОЛО, ПЭВ(ПВ)иОЛО (где СВ – синкретичное восприятие, ПВ – поверхностное восприятие, а ОЛО – относительное логическое обоснование), то демонстрируется «противоречие» традиционного аргумента и выдвигается «новый аргумент» – ПЭВ(АИВ)иАЛО

или ПЭВ(АДВ)иАЛО, который подтверждается примерами употребления.

Метод имеет два аспекта применения в зависимости от разновидности грамматических вариантов, которые могут различаться либо семантически / стилистически – в пределах нормы, либо только стилистически – как нормативный и – просторечный или устаревший – ненормативный. В этой статье мы рассматриваем две пары вариантов с семантическими различиями (весьма очевидный для компетентных носителей языка «аргумент ко вкусу» [2, с. 135–140], актуальный для описания стилистических различий, в данном случае нефункционален). Поэтому ограничимся рассмотрением той части метода, которая касается дифференциации грамматических вариантов с семантическими различиями.

В данном случае ПЭВ(АИВ) или ПЭВ(АДВ) представляет собой реализацию возможности убедиться в том, что фиксируемые парные дифференциальные признаки регулярно подтверждаются характерными для каждого из них однословными или неоднословными контекстными показателями – носителями семантических характеристик, которые мы по традиции называем маркерами. То есть внимание обращается на эксплицитное, эмпирически верифицируемое контекстное окружение, включающее маркеры той или иной семантической характеристики. Апеллирование к таким маркерам представляет собой дедуктивное доказательство: от общего утверждения – к частным его подтверждениям. Данное дедуктивное доказательство подкрепляется приемом дистрибутивного анализа – субституцией, подстановкой вместо рассматриваемого варианта его оппонента при том же контекстном окружении (содержащем те же маркеры) с целью эмпирически достоверного подтверждения / неподтверждения возможности такой подстановки. Если возможность субституции данными примерами не подтверждается, рассматриваемый вариант и его оппонент признаются имеющими семантическое различие, которое в таком случае конкретизируется.

Маркеры могут быть первостепенными и второстепенными. Первостепенность маркера (ПСМ) наблюдается, например (здесь и далее маркеры подчеркнуты), в корректности фразы *Не найдено никаких документов* при некорректности субституции *Не найдены никакие документы*, а также, соответственно, в корректности фразы *Эти важные документы не найдены* при некорректности субституции *Этих важных документов не найдено*. Причина ПСМ заключается в запрещающей субституцию семантической стабильности маркеров *никакие* (это показатель абстрактности, а никак не конкретности) и *эти* (это показатель конкретности, а никак не абстрактности). Субституция в данных примерах вряд ли возможна (как

приводящая к некорректности фраз) по причине несовместимости форм со значениями конкретно-абстрактности и абстрактности с маркерами соответственно абстрактности и конкретности. Второстепенность маркера (ВСМ) наблюдается, к примеру, во фразе *Важные документы, посвященные этому вопросу, не найдены*. В данном случае причастный оборот в определенной степени конкретизирует понятие важных документов. Следовательно, указанный оборот имеет значение конкретности и на этом основании не только может, но и должен считаться маркером конкретности *важных документов*. Однако очевидность этого маркера нельзя признать первостепенной, поскольку здесь имеется возможность субституции *Важных документов, посвященных этому вопросу, не найдено*. В такой фразе с формами родительного падежа (Р.), привносящими значение абстрактности, поскольку этому вопросу могут быть посвящены разные, а не только конкретные важные документы, и это подтверждается возможностью органичного ввода в эту фразу абстрактного маркера, например *никаких: Никаких важных документов, посвященных этому вопросу, не найдено*, – причастный оборот поддается этой абстрактности и «теряет в весе конкретности», однако маркером абстрактности все же не становится. Из-за неустойчивости конкретности, приводящей к допустимости субституции, в конструкции с формами именительного падежа (И.) данный причастный оборот выглядит не первостепенным, а второстепенным маркером конкретности *важных документов*. Однако такая второстепенность (и в показанном ниже исследовании она не представлена) не означает, что примеры с ВСМ следует принципиально исключить из сферы внимания как не до конца убедительные.

Поскольку во многих случаях маркеры в контекстах отсутствуют, как, например, во фразах *Вчера нашим новым начальником документы не найдены* – *Вчера нашим новым начальником документов не найдено* (в этих фразах первые четыре слова не являются маркерами конкретности или абстрактности документов), абсолютно значимыми эти контексты не признаются, но учитывается, что существует логически обоснованная возможность невыраженные маркеры считать подразумеваемыми, то есть присутствующими в контексте имплицитно. Поэтому, признавая отсутствие такого опыта, как верифицируемость формальной выраженности маркеров содержательных характеристик грамматических вариантов (обеспечиваемой эксплицитностью контекста), при констатации имплицитности таких маркеров корректно не утверждать, а только индуктивно допускать такую имплицитность.

Понятно, что ПЭВ имплицитности, то есть чего-то формально не выраженного, невозможна,

однако своего рода ПЭВ применима и в данном случае: методом от противного. Потенциально имплицитные контексты, которые не содержат маркеров, имеющих в эксплицитных контекстах, приводятся для ПЭВ того, что в потенциально имплицитном контексте отсутствуют другие маркеры, важные для дифференциации вариантов. Если в потенциально имплицитном контексте таких других маркеров нет, допускается, что маркеры-дифференциаторы, характерные для эксплицитных контекстов, содержатся в нем имплицитно. С позиций теории аргументации такое индуктивное допущение является косвенной эмпирической верификацией [2, с. 28-29; 4, с. 172], которая не является абсолютно доказательным способом убеждения, однако такое несто процентное доказательство имеет большую научную ценность, нежели его отсутствие.

В ряде случаев в ортологической практике наблюдается негативное последствие свойственно-го структурализму внимания к описательности в ущерб объяснительности, что выражается в отсутствии логического обоснования (ЛО). Это отсутствие устраняется применением абсолютного логического обоснования (АЛО).

Прежде чем приступить к заявленному описанию дифференциации, следует сделать две важные оговорки. Во-первых, мы не рассматриваем сочетания этих вариантов с отрицанием «не», поскольку оно может обуславливать другие формы управления, например *видно землю*, но не *видно земли*. Во-вторых, в ходе исследования мы не учитываем случаи, когда предикативы *видно* и *слышно* управляют существительными среднего рода, поскольку в этих случаях нейтрализуются формы предикативов на -о и кратких прилагательных с флексией -о, определяющих существительные ср. р.:

На каждой странице видно высокое следственное и оперативное мастерство [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 2 (1978)];

Можешь из кухни поглядеть, там всё видно [Ю. О. Домбровский. Ручка, ножка, огурчик (1977)];

Женищина в свете одинокого софита медленно поворачивается – даже в последних рядах огромного амфитеатра слышно тяжёлое дыхание уставшей танцовщицы... [Эльмар Гусейнов. Балалайка и трусы. Парижские театральные премьеры: новое прочтение русской классики (2001) // «Известия», 24.12.2001].

Результаты применения перцептивно-аргументационного метода дифференциации исследуемых грамматических вариантов имеют следующий вид.

Традиционный аргумент – ПЭВ(ПВ)безЛО: В.А. Ицкович констатирует наличие личной с су-

ществительным в И. (*видна деревня*) и безличной с существительным в винительном падеже (В.) (*видно деревню*) конструкций и этим сформулированным в морфологических и синтаксических терминах различием ограничивается, никак не объясняя узуальное различие между этими конструкциями [1, с. 57].

Противоречие: узуальное различие между этими конструкциями подменяется грамматическим различием между ними, вследствие чего носители языка, пытающиеся воспользоваться данной орторекомендацией, не могут уяснить, в каких случаях им употреблять такую личную и в каких – такую безличную конструкцию.

Новый аргумент – ПЭВ(АДВ)иАЛО (разрешение противоречия): подлежащее как агенс семантически значимее дополнения как объекта и в сочетании с сказуемым – кратким прилагательным является главным словом (известное убеждение о равноправной «корреляции» подлежащего и сказуемого мы вслед за Ю. В. Фоменко [6, с. 151-154] не разделяем), поэтому данное их сочетание обозначает более точное, то есть конкретное, зрительное (*виден, видна, видны*) или слуховое (*слышен, слышна, слышны*) восприятие. Дополнение как объект семантически менее значимо в сравнении с агенсом и в сочетании с предикативом ему подчиняется, поэтому данное их сочетание обозначает менее четкое, то есть абстрактное, зрительное (*видно*) или слуховое (*слышно*) восприятие. Таким образом, личная конструкция «краткое прилагательное – сказуемое согласуется с формой И.» имеет значение конкретности, а безличная конструкция «предикатив управляет формой В.» имеет значение абстрактности кого / чего-либо воспринимаемого зрительно и на слух.

Эксплицитные контексты

Дедуктивно доказательные примеры конкретной семантики:

В нации совершенно ясно виден раскол, причём раскол не по какой-то одной линии [Дмитрий Волков, Владимир Сунгоркин. Кухня управляемой демократии // «Отечественные записки», 2003]. Маркеры представляют собой конкретные характеристики раскола: с точки зрения его восприятия и с точки зрения его сущности. ПСМ: субституция с применением сочетания *видно раскол* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики абстрактности воспринимаемого, выраженной таким сочетанием, с семантикой конкретности воспринимаемого у показанных маркеров.

Правда, иногда тенденция видна слишком явно, как в опубликованном в февральском номере рассказе Григория Петрова «Крестный ход», повествующем о мироточивой иконе святого царя-заступника Николая II, историях из жизни его семьи на фоне «жестокостей истории» [Алексей Краевский. Журналы и поклонники // «Октябрь»,

2003]. Маркер представляет собой конкретную характеристику тенденции: с точки зрения ее восприятия и с точки зрения ее показанной в сравнении сущности. ПСМ: субституция с применением сочетания *видно тенденцию* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики абстрактности воспринимаемого, выраженной таким сочетанием, с семантикой конкретности воспринимаемого у показанного маркера.

Зато им мы видны, как на ладони [Александр Зайцев. Загадки эволюции: Краткая история глаза // «Знание – сила», 2003]. Маркер представляет собой конкретную, выраженную фразеологизированным сравнительным оборотом перцептивную характеристику описываемых субъектов. ПСМ: субституция с применением сочетания *нас видно* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики абстрактности воспринимаемого, выраженной таким сочетанием, с семантикой конкретности воспринимаемого у показанного маркера.

Через телефонный провод явственно был слышен этот вздох облегчения [Борис Екимов. Пиночет (1999)]. Маркер представляет собой конкретную качественную характеристику слухового восприятия вздоха. ПСМ: субституция с применением сочетания *слышно вздох* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики абстрактности воспринимаемого, выраженной таким сочетанием, с семантикой конкретности воспринимаемого у показанного маркера.

Только бой начнется, уже слышна команда: «Отступать: в тылу немцы» [Александр Сегаль. Война, как она есть // «Звезда», 2003]. Маркер представляет собой конкретную характеристику слышимой команды. ПСМ: субституция с применением сочетания *слышно команду* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики абстрактности воспринимаемого, выраженной таким сочетанием, с семантикой конкретности воспринимаемого у показанного маркера.

Но голоса были слышны хорошо, поэтому по репликам можно было идентифицировать их без труда [Виктор Пелевин. S.N.U.F.F (2011)]. Маркеры представляют собой конкретные характеристики голосов: с точки зрения восприятия их громкости и с точки зрения их идентификации. ПСМ: субституция с применением сочетания *голоса слышно* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики абстрактности воспринимаемого, выраженной таким сочетанием, с семантикой конкретности воспринимаемого у показанных маркеров.

Дедуктивно доказательные примеры абстрактной семантики:

Стоит эшелон... вдалеке, вагоны открыты, там видно солдат, они сидят в вагонах, свесив ноги, кто-то бежит вдоль состава, но мы не видим их лиц... это солдаты [Евгений Гришковец.

ОдноврЕмЕнно (2004)]. Маркеры представляют собой указания на пространственную удаленность воспринимаемой картины и на отсутствие подробности восприятия солдат, то есть целом подчеркивают абстрактность такого восприятия. ПСМ: субституция с применением сочетания *видны солдаты* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики конкретности восприятия, выраженной таким сочетанием, с семантикой абстрактности восприятия, подчеркнутой показанным маркером.

Когда Красногубенький присел, Нержину стало хорошо видно нервно-расхаживающего гравёра-оформителя... [Александр Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 26–51 (1968) // «Новый Мир», 1990]. Маркер представляет собой указание на действие, с момента которого произошло первоначальное, без подробностей (именно поэтому *хорошо* в данном случае – не маркер), то есть абстрактное, восприятие расхаживающего гравёра-оформителя. ПСМ: субституция с применением сочетания *виден гравёр-оформитель* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики конкретности восприятия, выраженной таким сочетанием, с семантикой абстрактности восприятия, подчеркнутой показанным маркером.

Я спросил устроителей концерта: «А будет ли нас слышно?» – потому что всё это было больше похоже на стадион в нашем понимании, чем на концертный зал [И. А. Архипова. Музыка жизни (1996)]. Маркер представляет собой указание на помещение, в котором восприятие на слух затруднено, поэтому вопрос, показанный в примере, имеет абстрактное содержание: состоится ли восприятие пения на слух в принципе, в целом, без уточнения деталей исполнения. ПСМ: субституция с применением сочетания *мы слышны* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики конкретности восприятия, выраженной таким сочетанием, с семантикой абстрактности восприятия, подчеркнутой показанным маркером.

Сима взяла трубку, нажала разговорный клапан, так что её стало слышно на другом конце провода... [Александр Солженицын. В круге первом, т. 1, гл. 1–25 (1968) // «Новый Мир», 1990]. Маркеры представляют собой указания на состоявшееся преодоление ранее имевшего место отсутствия восприятия на слух и на пространственную удаленность слушающего. На фоне этих указаний вполне очевидно, что речь идет о первом, абстрактном восприятии голоса на другом конце провода, при котором еще не важны речевые нюансы. ПСМ: субституция с применением сочетания *она слышна* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики конкретности восприятия, выраженной таким сочетанием, с семантикой абстрактности восприятия, подчеркнутой показанными маркерами.

Имплицитные контексты

Индуктивно допускаемые примеры конкретной семантики:

При снятии картона на бумаге **виден рельеф** поверхности, который выравнивают шлифовальной шкуркой [Татьяна Матвеева. *Реставрация столярно-мебельных изделий* (1988)]. Допущение: речь идет о конкретном, во всех его проявлениях, рельефе. Маркеры абстрактного понимания рельефа отсутствуют.

Угловая дверь, где по ночам хихикают гости Морской Девушки, приоткрыта. **Видна белая кровать**. Где же Мамочка? [Татьяна Толстая. *Ночь* (1983)]. Допущение: речь идет о конкретной, в разных ее деталях, кровати (белый цвет кровати трудно признать убедительным маркером ее конкретности). Маркеры абстрактного понимания кровати отсутствуют.

Из казарменных окон **видны хаты** тех, кто служит в батальоне, – бывших селян из окрестных деревень, ныне – доблестных бойцов-контрактников [Янина Соколовская. *Ляцук идет в Ирак. Украинские военные готовы к отправке в Персидский залив* (2003) // «Известия», 26.02.2003]. Допущение: имеются в виду конкретные, воспринимаемые в деталях хаты (характеристику проживающих в них вряд ли можно признать убедительным маркером их конкретности). Маркеры абстрактного понимания хат отсутствуют.

Дверь открылась словно сама собой, хоть **слышен был щелчок** замка, и Аркадий Лукьянович опять очутился в яме [Фридрих Горенштейн. *Куча* (1982) // «Октябрь», 1996]. Допущение: речь идет о конкретном, четко отличимом от других и похожих звуков щелчке. Маркеры абстрактного понимания такого звука, как щелчок, отсутствуют.

Возле ДК все еще стоят менты, а народу почти нет. **Слышна музыка**. Мы становимся в стороне [Владимир Козлов. *Гопники* (2002)]. Допущение: речь идет о конкретной музыке или о том, что это именно музыка, а не разговор, крики или что-то другое. Маркеры абстрактного понимания этой музыки отсутствуют.

В открытые двери справа и слева виднелись еще столы и были **слышны голоса** [Михаил Гиголашвили. *Адский рай* // «Зарубежные записки», 2007]. Допущение: речь идет о конкретных, различимых голосах или о том, что слышны именно голоса, а не другие звуки. Маркеры абстрактного понимания голосов отсутствуют.

Индуктивно допускаемые примеры абстрактной семантики:

Ну, вот отсюда **видно Маврикия Николаевича**, вон он сидит, нас не видит [Ф.М. Достоевский. *Бесы* (1871–1872)]. Допущение: из характеристик Маврикия Николаевича констатирован лишь факт того, что он не видит смотрящих на него и говорящих о нем людей; характеристики его внешнего вида не названы – следовательно, его внешность понимается абстрактно. Маркеры конкретного понимания внешнего вида героя отсутствуют.

А в комнате было уже темно, за окном было **видно дом** напротив, пустой, без огней – его еще не заселили, только неглубоко внизу горел уличный фонарь [Людмила Петрушевская. *Такая девочка, совесть мира* (1987)]. Допущение: из характеристик дома констатированы лишь его нахождение напротив и не вполне убедительно аргументированная отсутствием огней незаселенность; другие характеристики дома не названы – следовательно, этот дом понимается абстрактно. Маркеры конкретного понимания дома отсутствуют.

Но такую **музыку** всегда **слышно** – холодная она [Откровенный мужской разговор, озвученный вслух (2000) // «Рекламный мир», 30.03.2000]. Допущение: из характеристик музыки упомянута лишь ее холодность (для конкретизации музыки такого признака вряд ли достаточно); другие характеристики музыки не названы, – следовательно, она понимается абстрактно. Маркеры конкретного понимания музыки отсутствуют.

И вот что получается. **Меня хорошо слышно?** Сейчас я только взойду на трибуну [Игорь Мартынов. *Это наша с тобой абстиненция* (1997) // «Столица», 18.03.1997]. Допущение: можно говорить о восприятии на слух речи говорящего в принципе, без нюансов, то есть об абстрактной слышимости этой речи. Маркеры конкретного понимания речи говорящего в данном случае отсутствуют.

Выводы. Проведенное с применением перцептивно-аргументационного метода дифференциации грамматических вариантов исследование показало, что между рассматриваемыми вариантами существует ясное различие, обусловленное коммуникативной потребностью в выражении семантики конкретности и абстрактности, которая не может быть выражена не состоявшейся в русском языке (как и в большинстве славянских языков) категорией артикля. Описанные в настоящей статье нерегулярные синтаксические варианты различаются так же, как десять регулярных подвидов русских диспозитивных грамматических антонимов, противопоставленных по семантическим признакам конкретности и абстрактности, которые описаны в [4, с. 204–241].

Литература

1. Граудина Л.К. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов / Л.К. Граудина, В.А. Ицкович, Л.П. Катлинская. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Наука, 2001. – 557 с.
2. Ивин А.А. Теория аргументации : [учеб. пособие] / А.А. Ивин. – М. : Высшая школа, 2007. – 319 с.
3. Лайонз Дж. Язык и лингвистика. Вводный курс / Дж. Лайонз. – пер. с англ. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 320 с.

4. Попов С.Л. Грамматические варианты в русском языке: когнитивно-эволюционный аспект : дис. ... докт. филол. наук / С.Л. Попов. – Харьков, 2015. – 453 с.
5. Семенюк Н.Н. Норма / Н.Н. Семенюк / Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. – М. : Наука, 1970. – 620 с.
6. Фоменко Ю.В. Мифы современной лингвистики : [монография] / Ю.В. Фоменко. – Новосибирск. : Изд. НГПУ, 2010. – 176 с.

УДК 811.111:801

Романова О. К.

ВАРИАТИВНОСТЬ НА ГРАММАТИЧЕСКОМ УРОВНЕ В ЯЗЫКЕ ГАЗЕТЫ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНСКОЙ ПРЕССЫ)

В статье анализируется вариативность как одно из продуктивных лингвистических явлений современной русской публицистики. Представлен анализ вариативности составных наименований на морфологическом и синтаксическом уровнях; также рассмотрена орфографическая вариативность данных единиц.

Ключевые слова: язык газеты, вариативность, неологизм, составные наименования.

Романова О. К. Вариативність на граматичному рівні в мові газети (на матеріалі сучасної української преси). – Стаття.

У статті аналізується варіативність як одне з продуктивних лінгвістичних явищ сучасної російської публіцистики. Представлений аналіз варіативності складових найменувань на морфологічному та синтаксичному рівнях; також розглянута орфографічна варіативність цих одиниць.

Ключові слова: мова газети, варіативність, неологізм, складові найменування.

Romanova O. K. Variability on the grammatical level in the language newspaper (on the modern material Ukrainian Presses). – Article.

The article analyzes variability as one of productive linguistic phenomenon of modern Russian journalism. The analysis of variance component names on the morphological and syntactic levels; also considered a spelling variation of the data units.

Key words: newspaper language, variability, neologism, composite names.

Для современной лингвистики характерно исследование языка как системы функциональных стилей. В связи с этим важное значение приобретает исследование газетной речи, ее структуры, отдельных единиц на конкретных уровнях языка. **Актуальность** исследования новых наименований в языке современной прессы продиктована и тем, что публицистический язык в значительной мере вступает в нашу повседневную коммуникацию и в традиционной лингвистике данному вопросу уделяется мало внимания. Свое развитие новые номинативные единицы переживают как в плане выражения, так и в плане содержания.

Вариативность – универсальное свойство языка, заключающееся в соответствии одному фрагменту плана содержания ряда единиц плана выражения. Существование в языке вариантов – это «объективное следствие языковой эволюции, непреходящий атрибут живого литературного языка» [5, с. 3]. Еще Ф. де Сосюр, Л. Блумфилд, Л.В. Щерба обратили в своих работах внимание на свойство языкового знака видоизменять означаемое при сохранении тождества означаемого.

В чуждом консервативности языке газеты, изучением которого в настоящее время занимаются многие лингвисты [2; 3; 7; 8], с наибольшей силой находит отражение современная речь, характеризующаяся разнообразием форм выражения,

стремлением к краткости, устранению избыточных элементов конструкций. Как показывает В.Г. Костомаров [8], в языке газеты наблюдается непрерывное и взаимное существование стандартов и клише, с одной стороны, и авторских вариативных новообразований – с другой. Данное сосуществование языкового консерватизма и неологизма представляет единство языка газеты и, наконец, языка в целом. Характерно то, что рост вариативности новых составных наименований отмечается на общем фоне бурного развития публицистического плюрализма. Объяснить это можно и тем, что неустойчивой оказывается сама социальная среда.

Цель данного исследования – проанализировать особенности варьирования в языке газеты на морфологическом и синтаксическом уровнях, а также описать вариативность в области орфографии. Варьирование имеет место на морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях. Особое место занимает орфографическая вариантность, на которой следует специально остановиться. Однако до сих пор орфографической вариантности в кругу исследований языковых вариантов не уделяется должного внимания. Ее возникновение может быть объяснено двумя причинами: наличием правил, допускающих факкультативные написания, и отсутствием их для